

Аль-Хайтам, разумеется, вовсе не был настолько глуп, чтобы идти пешком.

Там, где не было лишних глаз, он без колебаний пускал в ход силу своего Глаза Бога. Его стремительный бег, случись кому увидеть этот смазанный силуэт в ночи, наверняка приняли бы за явление призрака или разгулявшейся нечисти.

Наконец ему удалось пристроиться на телегу к какому-то попутному вознице, и дело пошло куда веселее.

Из разговоров с редкими встречными Аль-Хайтам уяснил, в каком времени очутился: на несколько лет раньше его самого первого визита в эти края. Правда, определить, в какой именно из параллельных реальностей он находится, пока не представлялось возможным.

Бескрайние леса, заснеженные пустоши, редкие повозки, приземистые домики и люди, укутанные в тяжелые одежды так плотно, что казались неуклюжими шарами.

Таков был нехитрый пейзаж, открывавшийся его взору на протяжении всего пути.

Он аккуратно фиксировал наблюдения в уме, руководствуясь чисто исследовательским азартом, и невольно подмечал, как сильно этот край напоминает Снежную. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: по его личному мнению, Япония мало чем отличалась от Инадзумы, разве что ушла в своем развитии чуть дальше.

Но если Снежная под железной дланью Царицы и ее Предвестников обрела наконец долгожданный покой, то в России той эпохи явственно ощущалось глухое, липкое напряжение.

«Близится война? Или дело в эсперах?.. А может, назревает бунт?»

Аль-Хайтам глубоко упрятал эти догадки.

Поговаривали, будто одаренные — эсперы — начали массово заявлять о себе в определенный исторический период. Простые обыватели, едва осознав их существование, тут же ополчились на них с той же дремучей жестокостью, с какой в Средневековье инквизиторы отправляли ведьм на костры.

Но разница была очевидна: средневековые «ведьмы» чаще всего оказывались беззащитными жертвами, не способными дать отпор, тогда как эсперы обладали сокрушительной силой. Они не просто избежали плахи, но и обрушили на гонителей яростное возмездие, не щадя ни старых, ни малых, ни близких, ни чужих.

Самой жуткой и известной из трагедий тех лет стала расправа над целым уездным городком, который один-единственный разгневанный эспер стер с лица земли. Случайный путник, вернувшийся проведать родню, застал на месте родных улиц лишь пепелище да засыпанные

серой гарью руины.

Беспощадный бунт, переходящая все границы самооборона, упоение новоприобретенным могуществом, первобытный страх перед неведомым и слепая ненависть толпы — все это день за днем возводило непреодолимую стену между обычными людьми и теми, кто был отмечен даром.

Россия сейчас переживала именно этот мучительный, полный противоречий надлом. Словно сговорившись, люди избегали произносить само слово «эспер», боязливо величая одаренных «вестниками беды» или «проклятыми».

Прислушиваясь к испуганному шепоту и злобной ругани прохожих на постоянных дворах, Аль-Хайтам начинал понимать противоречивую душу господина Тургенева — тот искренне любил человечество, но в то же время испытывал перед ним непреодолимый страх.

Стоило добраться до крупного уездного центра, как путешествовать стало значительно проще.

Аль-Хайтам без особого труда раздобыл билет на поезд и теперь целенаправленно двигался к намеченной цели. Ему хотелось поскорее доставить письмо и тем самым вернуть долг чести.

Под мерный, убаюкивающий стук колес и тяжелый вздох паровозного котла его наконец сморило легкое утомление. Сверившись с адресом на конверте — конечным пунктом значилась Москва, — он прислонился к оконной раме и открыл книгу, которую успел прихватить из хранилища Системы перед самым пробуждением.

Его соседом по купе оказался тихий, неприметный молодой человек.

Юноша сидел неестественно прямо, низко опустив голову и зарывшись подбородком в громоздкий шерстяной шарф, отчего вся его фигура казалась скованной и зажатой.

Случайный попутчик счел бы их уголок самым мирным местом в вагоне, однако Аль-Хайтаму мешал шум. И исходил этот гул вовсе не от самого соседа, а от невидимой для обычных глаз твари, что крутилась возле него.

Существо это, наряженное в поношенный серый сюртук, отдаленно походило на человека, вот только физиономию его искажала кошмарная асимметрия: один глаз был зеленым, другой черным, а в разинутой пасти тускло поблескивали зубы — половина из платины, половина из червонного золота. Выглядело это зрелище неопишимо жутко.

— Вы только поглядите на него! Поглядите! У этого господина в черепашке точно опухоль разрослась, — затараторило чудище надтреснутым, глумливым голоском. — Ишь, как заливает! Мол, в одиночку раскидал целую ораву. Ха! Я и в преисподней-то столь отважных смертных душ не видывал. Бьюсь об заклад, его сегодня же прижмет к стене та самая орава, и уедет наш

герой домой с парой знатных бланшей под глазами!

Справедливости ради, голос у твари был довольно звучным, но излишняя экспрессия превращала его в противный, режущий слух визг. Да и манеры у этого типа были абсолютно безумными — вылитый беглец из сумасшедшего дома.

Взгляд молодого человека становился всё более отрешенным. Казалось, он мысленно взывал к Создателю.

Наверняка он истово молил Всевышнего избавить его наконец от этого невыносимого, трескучего кошмара.

— Тьфу, ну и трескотня! — проворчал очнувшийся Системный плесенник.

Бесцеремонный визг твари прервал восстановительный сон Системы, и Системный плесенник, недолго думая, с разбегу впечатался прямо в наглую харю нечисти.

— Ух ты, мелкая пакость... — осклабилась тварь, растягивая рот до самых ушей.

Она попыталась было перехватить нахального гриба, но Системный плесенник набрал такую скорость, что сбил противника с ног. Чудище с глухим стуком повалилось на пол купе, нелепо задрал лапы кверху.

— Пха-ха... — не удержавшись, прыснул молодой человек, явно злорадствуя.

Но тут же, сообразив, как нелепо выглядит со стороны, поспешно напустил на себя строгость и вновь устоял в пространстве с самым невозмутимым видом.

«Похоже, обладает направленным поражающим действием против астральных и паранормальных сущностей».

Аль-Хайтаму не было дела ни до поверженного беса, ни до торжествующей Системы. Достав блокнот, он размашисто набросал пару строк. На предыдущих страницах красовался заголовок его нового изыскания: «О фундаментальных функциях Системы и гипотезах их практического применения».

Системный плесенник для верности отвесил рогатому попутчику еще два увесистых пинка, окончательно отправив его в глубокий нокаут. Пробурчав себе под нос что-то крайне недовольное, он сердито юркнул обратно к Аль-Хайтаму и вновь провалился в сон.

Молодой человек то и дело бросал косые взгляды на распластавшегося без чувств беса. В конце концов, не выдержав комичности момента, он натянул шарф до самых глаз и беззвучно

затрясся от душившего его смеха.

— Кхм, кхм...

Отсмеявшись, он наконец взял себя в руки. Лицо его, густо покрасневшее от сдерживаемого хохота, постепенно приняло обычный оттенок.

— Позвольте представиться: Михаил Афанасьевич Булгаков. И премного благодарен вам за содействие.

Юноша — а это был не кто иной, как будущий великий писатель — повернулся к соседу и с предельной серьезностью заговорил. Судя по всему, назойливый бес допекал его давно, и в молчаливом Аль-Хайтаме он интуитивно почувствовал собрата по несчастью.

— Поблагодарите её скверный характер после сна, — ровно отозвался Аль-Хайтам, даже не подняв глаз от книги.

Дальнейший путь прошел без приключений. Без непрекращающегося завывания над ухом даже воздух в вагоне сделался будто бы чище. Каждые полчаса Булгаков с тайным удовольствием проверял состояние своего невидимого мучителя: того уже успели несколько раз хорошенько пнуть проходящие мимо пассажиры, буквально наступая подошвами на полупрозрачную рожу, однако бес и не думал приходить в себя. Видно, удар Системного плесенника пришелся точно в цель и окончательно вышиб из него остатки ума. Впрочем, умом этот пройдоха никогда и не отличался.

Они вместе сошли на перрон в Москве, но людской поток сразу же развел их в разные стороны.

По дороге к выходу Аль-Хайтам приметил шумную толпу, затеявшую потасовку. Приостановившись на мгновение, он заглянул через плечи зевак и убедился в прозорливости беса: в самом центре свалки несколько дюжих молодцов усердно отделяли того самого хвастуна из поезда. Равнодушно хмыкнув, он двинулся дальше.

Адрес, указанный в письме, оказался на редкость точным — вплоть до номера дома и квартиры.

Найдя нужный подъезд, Аль-Хайтам поднялся на этаж и коротко позвонил.

Дверь отворила молодая особа. В чертах ее лица не было ничего примечательного, обычная русская барышня, но глаза — живые, пронизательные и невероятно яркие — мгновенно приковывали к себе внимание.

Глядя на нее, Аль-Хайтам ощутил мимолетное дежавю. Спустя мгновение он понял: ее взор был поразительно похож на взгляд господина Тургенева — та же глубокая житейская мудрость, легкая печать пережитого и неутолимая жажда познания.

— Господин Тургенев просил передать это вам лично в руки, — произнес Аль-Хайтам, протягивая плотный пакет с сургучной печатью.

— Ах! Прошу вас, проходите, — встрепелась хозяйка. — Не стоит стоять на пороге.

Квартира едва ли служила ей жильем — скорее, это была творческая мастерская. Вокруг громоздились стопки бумаг и папки, а привычного домашнего уюта здесь почти не чувствовалось.

— Первые листы адресованы мне, но все, что под ними... это подарок для всей России, — Полина прижала пакет к груди и негромко, торжествующе рассмеялась.

Она буквально светилась от счастья. И радовалась она вовсе не банальным любовным излияниям на первых страницах, а той тяжелой, исписанной убористым почерком стопке листов, что скрывалась под ними.

Глядя на рукопись, она мысленно вернулась к давнему разговору с Серёжей, когда они оба пришли к непреложной истине: без постоянной духовной работы разум угасает, а человеческое сердце — умирает.

— Если судить по этой мерке, то вокруг нас бродят сплошные мертвецы, — негромко проговорила мадемуазель Полина.

Если бы все те, кто разучился мыслить самостоятельно, вдруг превратились в соломенных пугал, то добрая половина первопрестольной оказалась бы наводнена безликими манекенами в дорогих нарядах.

«Какая, должно быть, зловещая и нелепая картина».

— Твоя правда, но мне все же хочется верить, что живых душ станет больше, — мысленно отозвалась она на незаданный вопрос.

Серёжа всегда сокрушался по этому поводу. Он верил, что в каждом человеке дремлет прекрасное начало, способное раскрыться через познание и труд мысли. Но это начало безжалостно затаптывалось тупой, спесивой знатью, привыкшей видеть в людях лишь безмолвный рабочий скот.

— Значит, нужно заставить их думать вопреки всему, — решительно прошептала Полина, словно повторяя строчку из своего старого письма.

Но праздные размышления без твердой почвы под ногами бессмысленны и пусты. Месяцами они спорили в письмах, пытаясь отыскать способ пробудить в народе тягу к осмысленному бытию, пока наконец не сошлись во мнении: сначала нужно пустить идеи в оборот. А лучшим

проводником для них станет доступное печатное слово — живая, недорогая литература.

Сначала пускай задумаются те, кто обучен грамоте, а уж они понесут эту искру дальше — к тем, кто и букв-то разобрать не умеет.

Натерпевшись от приторной и пустой салонной беллетристики и убедившись, что никто из столичных писак не дерзнет заговорить о важном, господин Тургенев, изнывавший от тоски в своем деревенском уединении, самолично взялся за перо.

Полина знала о его замысле из прежней переписки и с трепетом ждала результатов. И вот, спустя долгие месяцы томительного ожидания, заветные черновики наконец лежали перед ней.

Очнувшись от нахлынувших воспоминаний, Полина посмотрела на Аль-Хайтама. Этот молчаливый юноша определенно заслуживал ее расположения.

— Серёжа доверяет далеко не каждому. Раз он выбрал вас своим вестником, значит, вы незаурядный человек, — тепло улыбнулась она. — Прошу вас, оставайтесь у меня на какое-то время. Вы станете свидетелем рождения истинного шедевра!

Шурша пышными юбками, воодушевленная Полина упорхнула в кабинет, прижимая драгоценную рукопись к груди. Она ни на секунду не сомневалась в гении своего друга и уже мысленно подсчитывала расходы на типографию.

«...»

Аль-Хайтам припомнил манеры господина Тургенева. Тот, без сомнения, отличался редким радушием со всеми подряд. Однако к людям мыслящим и лишенным застенчивости ума барин питал особую слабость.

«Что ж, по крайней мере, крышей над головой я обеспечен».

Оставшись без единого гроша в кармане в огромном, незнакомом городе, Аль-Хайтам рассудил, что это отличная возможность исследовать деловую жизнь Москвы и заодно поправить свое финансовое положение.

<http://bllate.org/book/18256/1755700>